

Несколько месяцев назад на Хуанхэ случилось наводнение. Бурные потоки воды прорвали дамбы, затопив поля и дома, оставив бесчисленное множество людей без крова. Хуже того, серебро, выделенное казной на помощь пострадавшим, было похищено разбойниками прямо по пути. Местные чиновники спешно открыли амбары, чтобы раздать зерно, но для десятков тысяч беженцев это было всё равно что пытаться потушить пожар чашкой воды. Огромные толпы обездоленных, увлекая за собой семьи, двинулись в сторону Шэнцзина. По пути гибли люди, а гниющие трупы лежали грудami. Стояла изнуряющая летняя жара, тела разлагались быстро, воздух наполнился нестерпимым зловонием, и вскоре вспыхнула эпидемия, охватившая соседние уезды.

Поначалу за дела беженцев отвечал третий ван. Однако этот никчемный человек не только не сумел вернуть казенные деньги, но и организацию раздачи каши затянул донельзя. Прошло много времени, а толку не было никакого. Более того, испугавшись заразиться, он приказал вырыть огромную яму, сбросить туда всех, у кого были хоть малейшие признаки болезни, и сжечь их заживо, а затем поскорее закопать, чтобы скрыть следы.

Когда весть о воплях народа дошла до Шэнцзина, число заживо погребенных уже было не счесть. Император пришел в ярость и немедленно приказал второму вану взять дело в свои руки.

Хэ Жуйтин, получив указ, тут же отправился к Хуанхэ. Он успокаивал народ, разыскивал лучших врачей, и, когда эпидемию с трудом удалось подавить, принялся спешно строить крупные водохранилища в верховьях реки и укреплять дамбы. После всех этих трудов и бесконечных забот он сильно исхудал.

Когда чувство голода немного утихло, Хэ Жуйтин произнес:

— Я примчался сюда, чтобы предупредить вас обоих: завтра вечером Императрица устраивает на Террасе Чуньхуа пир под предлогом любования снегом. Приглашены все наложницы гарема и дети придворных сановников. Нам, семнадцати принцам, разумеется, тоже надлежит явиться, да и отпрыски знатных семейств будут там.

У него были свои люди во дворце, и он узнавал о любых переменах едва ли не раньше всех.

Шу Шиюнь нахмурился:

— Сейчас не праздник и не памятная дата. Пригласить принцев и принцесс еще можно понять, но зачем звать детей сановников?

Терраса Чуньхуа была местом, где императрицы всех поколений принимали членов императорской семьи, и еще не было случая, чтобы туда ступала нога того, кто не принадлежит к роду правителей. Что же задумала эта Императрица, вечно пренебрегающая правилами?

Заметив, что Шу Шиюнь все еще выглядит сонным, Хэ Цинцы притянул его к себе и усадил, позволив опереться на свое плечо:

— Хочешь еще отдохнуть?

— Лучше удели внимание брату, вы ведь так давно не виделись, — тихо проговорил Шу Шиюнь, отвернувшись и украдкой зевнув.

Хэ Жуйтин не обратил внимания на их перешептывания и продолжил начатую тему:

— Ночной пир на Террасе Чуньхуа противоречит этикету, но Вдовствующая Императрица дала свое согласие.

Все знали, что Вдовствующая Императрица и Императрица не ладят. По логике вещей, если бы Императрица решила нарушить правила, Вдовствующая Императрица непременно бы воспротивилась. Но на сей раз ее позиция была донельзя загадочной.

— Дети знати во дворце... это похоже на смотрины невест, — внезапно пробормотал Нянь Фу, до этого молча стоявший в стороне.

При этих словах все трое замерли.

— Вот оно что, — слабо улыбнулся Хэ Жуйтин.

Шу Шиюнь опустил глаза, под густыми ресницами легли тени. Хэ Цинцы лишь поглаживал его по спине, храня молчание.

Нянь Фу, не поняв, что сболтнул лишнего, бухнулся на колени:

— Маленький... я просто сказал первое, что пришло в голову. Прошу вана и чжэнцзюня не гневаться, я... я...

— Ты сказал верно, вставай, — с горькой усмешкой ответил Шу Шиюнь.

Увидев, что его господин не собирается его наказывать, Нянь Фу дрожащими ногами поднялся с пола.

Все было именно так, как сказал Нянь Фу: Императрица, вероятно, хочет воспользоваться пиром, чтобы собрать под одной крышей отпрысков знатных фамилий и подобрать наложниц для принцев.

Нынешняя императорская семья не богата на наследников. Кроме первого и третьего ванов, ни у кого из остальных нет детей. Вдовствующая Императрица видит это и тревожится, вероятно, именно поэтому она и согласилась на затею Императрицы.

— Пусть выбирает, если хочет. Не факт, что другие согласятся, — равнодушно отозвался Хэ Цинцы.

— Ты просто не осознаешь, какой властью сейчас обладает род Чжао, — Хэ Жуйтин, видя его беспечность, готов был постучать по голове своего непутевого брата. — Императрица заправляет гаремом, канцлер Чжао держит в руках двор. Брат и сестра спят и видят, как прибрать к рукам всю Великую Ян.

Императрица, конечно, не собирается исполнять материнский долг. Она хочет воспользоваться случаем, чтобы расставить своих людей вокруг каждого принца, особенно вокруг Хэ Цинцы, вана Аньнана, который, хоть и не может претендовать на трон, обладает огромной военной мощью. Заполучить его в свои руки — значит обеспечить себе мощную поддержку в будущей борьбе за власть.

Хэ Жуйтин берег брата как зеницу ока. Даже сам, ведя изнурительную борьбу за престол, он и мысли не допускал о том, чтобы использовать его. А теперь коварные планы Императрицы вызывали лишь гнев.

— Понятно, — задумчиво произнес Хэ Цинцы, согревая в ладонях озябшие пальцы Шу Шиюня. — Она мыслит далеко, но, к сожалению, единственный, кого я готов поддержать — это ты, брат.

Хэ Жуйтин покачал головой:

— Я лишь хочу, чтобы вы с Шиюнем не оказались втянуты в эту бурю. Особенно Шиюнь — он и так натерпелся. Раз уж ты вернулся, окружи его заботой, но не навлекай на него гнев Императрицы из-за меня.

— Шиюня я защищу, а положение, которое по праву принадлежит тебе, я помогу вернуть, — Хэ Цинцы играл прядью волос Шу Шиюня. Слова звучали небрежно, но в глубине его глаз вспыхнул холодный блеск. Казалось, в вопросе борьбы за трон он полон решимости.

— Ты все такой же самоуверенный, — Хэ Жуйтин не знал, плакать или смеяться. Он с детства баловал этого дерзкого брата, не мог поднять на него руку, даже когда тот совершал ошибки, и в итоге избаловал донельзя. — Знал бы я, что сейчас не смогу одолеть тебя в бою, в детстве бы до смерти отходил палкой.

Шу Шиюнь тихо рассмеялся:

— Брат, ты бы не смог.

Как и ожидалось, не успел второй ван уйти, как во дворец прибыл евнух с указом Императрицы.

В поместье не приготовили алтарь для подношений, Хэ Цинцы даже не переоделся в парадное платье, а стоял в главном зале, сложив руки за спиной в своем черном халате.

Вэй Чжундэ, пришедший зачитать указ, впервые столкнулся с таким приемом, но, поскольку перед ним был ван Аньнаня, он не осмелился сразу качать права. Развернув сверкающий золотом указ, он пронзительно выкрикнул:

— По воле Небес, священным пером Императрицы! Ныне, в суровую зиму, когда кружатся хлопья снега, предвещая урожайный год, видя процветание страны и согласие между принцами, я, Императрица, весьма утешена. Посему повелеваю завтра...

Прочитав несколько строк, Вэй Чжундэ заметил, что в зале не только Хэ Цинцы стоит с гордым видом, но и слуги со стражей не опустили на колени, лишь слегка склонив головы в знак почтения.

Вэй Чжундэ, привыкший всюду вести себя заносчиво, свернул указ и взревел:

— Дерзкий ван Аньнаня! Как ты смеешь проявлять такое неуважение к Императрице!

— Неуважение? — уголки губ Хэ Цинцы дрогнули в полуулыбке. — Что ты называешь неуважением?

— Перед принятием указа не подготовил алтарь, не сменил облачение — это неуважение! При чтении не встал на колени, да еще и публично оскорбляешь посланника — это величайшее неуважение! — брызжа слюной, кричал Вэй Чжундэ.

И это существо тоже чиновник?

Хэ Цинцы даже не взглянул на него. Взмахнув лапами черного халата, он сел в кресло и едва заметно повел рукой. Стоявшая рядом Сичжао поняла его без слов. Сделав шаг вперед, она холодно произнесла:

— Прошу вас, господин евнух, встать на колени для прочтения указа.

Что?

Вэй Чжундэ остолбенел, долго не в силах прийти в себя. Где это видано, чтобы указ читали, стоя на коленях?

Хэ Цинцы нахмурился, и тут же его личные воины подошли к Вэй Чжундэ, принуждая его опуститься на пол.

— Дерзкий Хэ Цинцы! Ты хоть знаешь, кто я такой! — от испуга голос Вэй Чжундэ стал еще пронзительнее, а прическа сбилась набок. — Я главный управляющий дворца Императрицы!

Оскорбляя меня, ты оскорбляешь Ее Величество! Ты, наглец, посмел проявить непочтительность к Императрице, берегись, когда я вернусь...

Хлоп!

Раздался звонкий звук, и на щеке Вэй Чжундэ проступил отпечаток ладони, который в мгновение ока распух.

Сичжао опустила руку и, не поднимая глаз, произнесла:

— Господин евнух совсем не слушает, что ему говорят. Мне пришлось привести вас в чувство, не обессудьте.

— Ты... ты... — Вэй Чжундэ, охваченный гневом и страхом, схватился за щеку и не мог вымолвить ни слова.

Сичжао холодно добавила:

— Господин евнух, мой господин — ван Аньняня, пожалованный самим Императором титул князя Южных земель.

В Великой Ян с древности почитали воинскую доблесть. В начале основания династии предки-императоры щедро жаловали титулы князьям, отличившимся в боях. Было четыре ранга: Ань, Дин, Чжэнь и Ху. Князьям высшего ранга — Ань — предки даровали величайший почет и славу, они стояли лишь ступенькой ниже самого правителя.

В то же время предки опасались, что князья, имея под рукой войска, могут угрожать центру, поэтому запретили им провозглашать себя императорами под страхом смерти.

С тех пор даже самые амбициозные князья не осмеливались нарушать этот запрет. За сотни лет потомки князей вырождались, центр возвращал земли, и из-за ослабления военной мощи жаловать титулы стало некому. Даже если принцы достигали совершеннолетия и получали владения, без военных заслуг это были крошечные уезды, максимум с титулом Ху, не способные на серьезные свершения.

Поэтому уже сотню лет Хэ Цинцы оставался самым влиятельным князем, обладая высшей властью и почетom, превосходящим даже Императрицу.

Лицо Вэй Чжундэ пошло пятнами. Когда до него дошел смысл сказанного, он понял, что уже смертельно оскорбил вана Аньняня.